

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
2 July 2015
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 550/2013

**Решение, принятое Комитетом на его пятьдесят четвертой
сессии, 20 апреля – 15 мая 2015 года**

<i>Представлено:</i>	С.К. и др. (представлены адвокатом Йоханом Лагерфельтом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата жалобы:</i>	23 мая 2013 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	8 мая 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Российскую Федерацию
<i>Процедурный вопрос:</i>	необоснованность утверждения
<i>Вопросы существа:</i>	риск подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения
<i>Статья Конвенции:</i>	статья 3

Приложение

Решение Комитета против пыток согласно статье 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят четвертая сессия)

относительно

Сообщения № 550/2013*

<i>Представлено:</i>	С.К. и др. (представлены адвокатом Йоханом Лагерфельтом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата жалобы:</i>	23 мая 2013 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 8 мая 2015 года,

завершив рассмотрение жалобы № 550/2013, представленной ему от имени С.К. и его жены З.К. и их дочери М.К. согласно статье 22 Конвенции,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителями, их адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителями являются С.К. (первый заявитель), его жена З.К. (второй заявитель) и их дочь М.К. (третий заявитель) – все российские граждане соответственно 1946, 1957 и 1993 года рождения. Их ходатайство об убежище в Швеции было отклонено, и во время подачи жалобы заявители ожидали депортации в Российскую Федерацию. Они утверждают, что их депортацией Швеция нарушила бы их права по статье 3 Конвенции. Заявители представлены адвокатом Йоханом Лагерфельтом.

1.2 20 июля 2011 года Комитет, действуя через своего Докладчика по новым сообщениям и временным мерам по пункту 1 правила 114 своих правил процедуры, просил государство-участник воздержаться от высылки заявителей в Российскую Федерацию на время рассмотрения их жалобы Комитетом.

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алесслио Бруни, Абдулайе Гайе, Сатьябхусун Гупт Дома, Йенс Модвиг, Сапана Прадхан-Малла, Георгий Тугуши и Кенин Чжан.

Факты в изложении заявителей

2.1 Заявители ранее проживали в Чечне, Российская Федерация. Первый и второй заявители имеют троих детей: два сына и дочь. Оба сына были причастны к движению сопротивления в Чечне. В результате своей деятельности сыновья были вынуждены бежать в Швецию, и соответственно в 2006 и 2007 году им было предоставлено там убежище.

2.2 В 2008 году первый заявитель впервые посетил своих сыновей в Швеции. Затем он вернулся в Чечню. В конце 2008 года заявители стали подвергаться притеснениям со стороны вооруженных мужчин в масках, которые, как они полагают, были членами чеченских ведомств. Мужчины заявили, что они хотели бы «наложить лапу» на сыновей, которые сбежали в Швецию. Со временем ситуация обострилась, ибо вторжения стали повторяться и приобрели более агрессивный характер.

2.3 В ноябре 2010 года вооруженные мужчины в масках ворвались в семейную квартиру и порвали их загранпаспорта, чтобы не дать им возможности покинуть Российскую Федерацию, и пригрозили похитить третьего заявителя. Мужчины сперва избили первого заявителя, когда он пытался защитить свою дочь, и пригрозили застрелить его. И они произвели в квартире предупредительные выстрелы. Тогда, в качестве меры предосторожности, дочь на время отправили в Грозный на побывку к дяде, а первому и второму заявителям удалось за взятку получить новые паспорта.

2.4 31 декабря 2010 года заявители въехали в Швецию, а 29 декабря они ходатайствовали о предоставлении убежища. 13 октября 2011 года шведская Миграционная комиссия отклонила их заявление на том основании, что в Российской Федерации нет «общей ситуации конфликта» и нет свидетельств того, что вооруженные мужчины в масках связаны с чеченскими ведомствами. Комиссия сочла, что мужчины, атаковавшие заявителей, были обычными преступниками, и семье следует обратиться за защитой к российским ведомствам. Было также высказано предположение, что семье следовало бы найти убежище где-то еще в Российской Федерации, а также был отмечен тот факт, что семья уехала не сразу, а оставалась в Чечне еще один месяц.

2.5 В неуказанную дату отрицательное решение Миграционной комиссии было обжаловано в Суде по миграционным делам. 25 сентября 2012 года Суд отклонил апелляцию заявителей, отметив, что Российская Федерация в состоянии обеспечить и обеспечит защиту своим гражданам. Было отмечено, что в ордерах на арест, представленных заявителями в качестве доказательств, указаны не те имена, что имена в семейных паспортах, ибо они транскрибированы по-разному. 27 августа 2010 года Апелляционный суд по миграционным делам отклонил ходатайство заявителей о разрешении на обжалование. И поэтому решение Миграционной комиссии от 13 октября 2011 года отклонить ходатайство заявителей об убежище окончательно вступило в силу.

2.6 18 января 2013 года заявители снова обратились в Суд по миграционным делам с просьбой «помешать» исполнению решения об отклонении их ходатайства о предоставлении убежища. Они представили новые письменные свидетельства, подтверждающие тот факт, что родители были вызваны на допрос районным прокурором в Грозном за то, что они помогли своим сыновьям бежать в Швецию, и что прокурором против них был выдан ордер на арест. 4 марта 2013 года Миграционная комиссия отклонила их просьбу на том основании, что заявителями не было предъявлено ничего нового. 23 апреля 2013 года Суд по миграционным делам вновь заявил, что семье следует ходатайствовать о защите перед российскими ведомствами.

Жалоба

3. Заявители утверждают, что, будь они депортированы в Российскую Федерацию, имеются существенные основания полагать, что там еще больше возрастут притеснения и преследования, которые они испытывали в Чечне прежде. В частности, они подчеркивают, что отцу прямо угрожали внесудебной казнью, а дочери угрожали похищением. Заявители также указывают, что общая ситуация в Чечне с правами человека такова, что широкое распространение носит применение пыток и других видов жестокого и бесчеловечного обращения. Их насильственная депортация в Российскую Федерацию представляла бы собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 Вербальной нотой от 25 ноября 2013 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Оно напоминает обстоятельства дела и отмечает, что 31 декабря 2010 года заявители прибыли в Швецию и 29 декабря 2010 года ходатайствовали об убежище. 13 октября 2011 года шведская Миграционная комиссия отклонила их ходатайства и решила подвергнуть их высылке в Российскую Федерацию. 7 апреля 2011 года Суд по миграционным делам отклонил их апелляцию. 29 ноября 2012 года Апелляционный суд по миграционным делам отказался дать разрешение на апелляцию, и 17 декабря 2012 года решение о высылке заявителей окончательно вступило в силу. 18 января 2013 года заявители утверждали в Миграционной комиссии, что имеются препятствия для принудительного исполнения и просили о пересмотре их дела. 4 марта 2013 года Миграционная комиссия отклонила их просьбу. Решение было обжаловано в Суде по миграционным делам, который 12 марта 2013 года отклонил апелляцию.

4.2 По сути дела, заявители утверждали шведским властям, что они подвергались угрозам со стороны чеченских ведомств по причине деятельности первого заявителя, а также деятельности двух сыновей, которые якобы поддерживали повстанцев в Чечне, прежде чем они бежали в Швецию, где им соответственно в 2002 году и в 2006 году было предоставлено убежище. Заявители утверждают, что их неоднократно посещали у них дома мужчины в масках, которые угрожали им и требовали, чтобы их сыновья вернулись в Чечню. Угрозы со временем якобы нарастали и в ходе одного визита в ноябре 2010 года мужчины в масках порвали паспорта заявителей и пригрозили похитить их дочь. Первый заявитель в этом случае якобы подвергся нападению, и в квартире были произведены выстрелы. После этого инцидента третий заявитель уехала жить у своего дяди в Грозном.

4.3 Государство-участник отмечает, что, в соответствии со статьей 22 (5) а) Конвенции, Комитет не должен рассматривать никакое сообщение от индивида, если он не удостоверился, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования, а также отмечает, что ему не известно, не являлось ли или не является ли данное дело предметом какого-либо иного расследования или урегулирования такого рода. Кроме того, государство-участник признает, что в данном случае были исчерпаны все доступные внутренние средства правовой защиты, как это требуется статьей 22 (5) b) Конвенции.

4.4 Как полагает государство-участник, утверждения заявителей, будто они подвергаются риску обращения таким образом, что это было бы равносильно нарушению статьи 3 Конвенции, если они вернутся в Российскую Федерацию, не достигают минимального уровня обоснованности, требуемого для целей прием-

лемости. По мнению государства-участника, настоящее сообщение является явно необоснованным, а тем самым и неприемлемым согласно статье 22 (2) Конвенции и правилу 113 b) правил процедуры Комитета¹. Если Комитет признает сообщение приемлемым, то перед Комитетом встал бы вопрос: будет ли принудительное возвращение заявителей в Российскую Федерацию нарушением обязательства Швеции по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать лицо в другое государство, где имеются существенные основания полагать, что он или она подвергались бы опасности применения пыток.

4.5 Государство-участник отмечает, что при заключении на тот счет, будет ли принудительное возвращение лица в другую страну представлять собой нарушение статьи 3, Комитету надо принимать в расчет все соответствующие соображения, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в этой стране. Между тем, как неоднократно подчеркивал Комитет, цель такого заключения состоит в том, чтобы установить, будет ли соответствующему лицу лично грозить риск подвергнуться пыткам в стране, в которую оно будет возвращено. А отсюда следует, что наличие в стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае его или ее возвращения в эту страну. Чтобы установить нарушение статьи 3, должны существовать дополнительные основания, свидетельствующие о том, что соответствующее лицо будет лично подвергаться риску².

4.6 Учитывая вышесказанное, государство-участник отмечает, что при определении, будет ли принудительное возвращение заявителей в Российскую Федерацию представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции, актуальны следующие соображения: общая ситуация в Российской Федерации с правами человека и, в частности, личный риск заявителя подвергнуться пыткам по его возвращении туда.

4.7 Кроме того, государство-участник ссылается на юриспруденцию Комитета, согласно которой бремя доказывания в таких случаях, как настоящий, лежит на заявителе, который должен представить веские доводы, устанавливающие, что он сталкивается с предсказуемой, реальной и личной опасностью подвергнуться пыткам³. Вдобавок риск применения пыток надо оценивать исходя из оснований, выходящих за рамки одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя риск не должен выдерживать критерий «высокой вероятности», он должен носить личный и реальный характер⁴.

4.8 Что касается общей ситуации в Российской Федерации с правами человека, то, как отмечает государство-участник, с учетом того, что Российская Федерация является участницей Конвенции и Международного пакта о гражданских и политических правах, оно полагает, что Комитету хорошо известна общая ситуация с правами человека в стране, включая ситуацию на Северном Кавказе. В этом отношении государство-участник поэтому считает достаточным сослаться на информацию о ситуации в Российской Федерации с правами человека, которая мо-

¹ Государство-участник ссылается на сообщение № 216/2002, *Х.И.А. против Швеции*, мнения, принятые 2 мая 2003 года, пункт 6.2.

² Государство-участник ссылается на сообщения № 150/1999, *С.Л. против Швеции*, мнения, принятые 11 мая 2001 года, пункт 6.3, и № 213/2002, *Э.Х.В.М. против Швеции*, мнения, принятые 14 ноября 2003 года, пункт 8.3.

³ См., например, сообщения № 178/2001, *Х.О. против Швеции*, мнения, принятые 13 ноября 2001 года, пункт 13 и № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, мнения, принятые 14 ноября 2003 года, пункт 7.3.

⁴ См., например, замечание общего порядка № 1 Комитета (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, пункты 5–7.

жет быть найдена в недавних докладах, например в докладе о правах человека в России за 2012 год, опубликованном Государственным департаментом Соединенных Штатов Америки⁵; ежегодном докладе «Международной амнистии» за 2012 год; Всемирном докладе «Хьюмен райтс уотч» за 2012 год: Россия⁶; страновом обзоре шведской Миграционной комиссии по Российской Федерации от 25 февраля 2011 года; докладе шведского Министерства иностранных дел о правах человека в Российской Федерации за 2011 год⁷; докладах, публикуемых Норвежским информационным центром по странам происхождения, включая «Temanotat: Tsjetsjenia Sikkerhetssituasjonen», «Temanotat Nord-Kaukasus: Etterlysninger» и «Temanotat Tsjetsjenia: Tsjetsjenske myndigheters reaksjoner mot opprøgere og personer som bistyr opprøgere»; и докладе, опубликованном датским Советом по делам беженцев⁸.

4.9 Государство-участник признает, что, хотя, как показывают существующие доклады, в последние годы в Чечне снизился общий уровень насилия и серьезных нарушений прав человека, все еще имеет место информация о таких нарушениях, как исчезновения, надругательства и убийства. Государство-участник не недооценивает озабоченностей, которые могут быть законно выражены в отношении текущей ситуации с правами человека в Российской Федерации, и особенно в регионе Северного Кавказа. Нынешней ситуации в Чечне, однако, самой по себе недостаточно для констатации, что общая ситуация в регионе такова, что депортация заявителей повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции⁹. Таким образом государство-участник утверждает, что высылка заявителей в Российскую Федерацию повлекла бы за собой нарушение Конвенции, только если они смогли бы показать, что им лично грозил бы риск подвергнуться обращению, противоречащему статье 3. Однако в данном случае заявители не смогли обосновать свои утверждения, что они столкнулись бы с таким риском.

4.10 Государство-участник отмечает, что несколько положений шведского Закона об иностранцах отражают те же принципы, что и в статье 3 Конвенции. Таким образом, при рассмотрении ходатайства об убежище по Закону об иностранцах шведские миграционные ведомства применяют того же рода критерий, что применяется Комитетом при рассмотрении последующих жалоб по Конвенции. На то, что в данном случае был применен такой критерий, указывает ссылка, сделанная шведскими ведомствами в своих решениях по данному делу, на разделы 1, 2 и 2 а) главы 4 Закона об иностранцах. Кроме того, согласно разделам 1–3 главы 12 Закона, принудительная высылка иностранца никоим образом не может быть произведена в страну, где имеются резонные основания полагать, что он или она столкнулись бы с опасностью подвергнуться среди прочего пыткам или другим видам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, или в страну, где он или она не были бы защищены от отправки в страну, где ему или ей угрожал бы такой риск.

4.11 Государство-участник добавляет, что его национальные ведомства вполне в состоянии оценить информацию, представленную просителем убежища и установить достоверность его или ее утверждений. В данном деле Миграционная комиссия и Суд по миграционным делам провели тщательное изучение дела заявителей. Комиссия провела индивидуальные собеседования со всеми тремя заяви-

⁵ Доступно на www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/#wrapper.

⁶ Доступно на www.hrw.org/world-report-2012/world-report-2012-russia.

⁷ Доступно на www.manskligarattigheter.se/sv/manskliga-rattigheter-i-varlden/ud-s-rapporter-om-manskliga-rattigheter/europa-och-centralasien?c=Ryssland.

⁸ Доступно на http://flygtning.dk/viden-fakta/publikationer/landeprofiler/?eID=\ndam_frontend_push & docID = 7077.

⁹ См., например, недавнее постановление Европейского суда по правам человека, *И. против Швеции*, заявление № 61204/09, 5 сентября 2013 года, пункт 58.

телями, когда они попросили об убежище. Собеседования продолжались приблизительно два часа (первый заявитель), полтора часа (второй заявитель) и два часа (третий заявитель). Цель собеседований состояла в том, чтобы дать заявителям возможность объяснить причины, по которым они нуждаются в защите, и разъяснить все факты, имеющие отношение к оценке Комиссии. Обширные собеседования с заявителями проводились в присутствии их адвоката и переводчика, кому заявители подтвердили, что они хорошо все понимали. Кроме того, заявители письменно представили свое дело в Комиссии и в судах по миграционным делам. На протяжении всей процедуры рассмотрения просьбы заявителей об убежище они были представлены адвокатом. После того, как обрело юридическую силу решение с предписанием о высылке заявителей, Комиссия рассмотрела новые обстоятельства, названные заявителями. Решения Комиссии были обжалованы, но не были отменены Судом по миграционным делам. На этом фоне, как считает государство-участник, надо учитывать, что Миграционная комиссия и суды по миграционным делам имели достаточную информацию, а также факты и документацию по делу, дабы располагать прочной основой для принятия компетентной, транспарентной и разумной оценки риска в связи с потребностями заявителей в защите в Швеции.

4.12 В этой связи государство-участник напоминает замечание общего порядка № 1 (1997) Комитета по статье 3 Конвенции в контексте статьи 22¹⁰, а также его юриспруденцию, в которой он заявил, что Комитет не является апелляционным, квазисудебным или административным органом и следует придавать значительный вес фактологическим выводам, которые были сделаны органами соответствующего государства-участника¹¹. Кроме того, Комитет счел, что оценивать факты и доказательства по конкретному делу надлежит не Комитету, а судам государств – участников Конвенции, если только не может быть установлено, что способ оценки таких фактов и доказательств носил явно произвольный характер или был равносителен отказу в правосудии¹².

4.13 Как утверждает государство-участник в свете вышесказанного и с учетом того, что Миграционная комиссия и суды по миграционным делам являются специализированными органами, обладающими особой квалификацией в сфере права и практики убежища, нет и никаких оснований заключать, что национальные постановления были неадекватны или что итог отечественного разбирательства был сколь-либо произвольным или равносильным отказу в правосудии по данному делу. Государство-участник полагает, что надо придавать большой вес мнению шведских миграционных ведомств, как выражено в их постановлениях с предписанием о высылке заявителей в Российскую Федерацию.

4.14 Вдобавок, как отмечает государство-участник, заявители указывают Комитету, что их выдворение в Российскую Федерацию было бы нарушением статьи 3 Конвенции, ибо по возвращении туда они рискуют подвергнуться пыткам, как предусмотрено в статье 1 Конвенции, из-за деятельности, проводившейся сыновьями/братьями заявителей до отъезда в Швецию. Заявители указывают, что их сыновья/братья подозревались в участии в повстанческой деятельности в чеченском регионе, потому что они помогали повстанцам продовольствием и медикаментами.

4.15 В этой связи государство-участник, как и его миграционные ведомства, находит ряд аспектов, которые дают основания сомневаться в правдивости

¹⁰ Пункт 9.

¹¹ См., например, сообщение № 277/2005, *Н.З.С. против Швеции*, мнения, принятые 22 ноября 2006 года, пункт 8.6.

¹² См., например, сообщение № 219/2002, *Г.К. против Швейцарии*, мнения, принятые 7 мая 2003 года, пункт 6.12.

утверждений заявителей. Для начала государство-участник считает уместным отметить тот факт, что убежище в Швеции было предоставлено сыновьям/братьям заявителей не на основании индивидуальной потребности в защите, а на том основании, что во время их ходатайства в Чечне имел место внутренний вооруженный конфликт. Поскольку заявители даже не утверждают, что, прежде чем покинуть Чечню, их сыновья/братья активно участвовали в повстанческом движении, разве что эпизодически доставляли повстанцам продовольствие и медикаменты, есть основания поставить под сомнение предполагаемый интерес чеченских ведомств к оставшейся семье и продолжающееся ее притеснение ими спустя так много лет.

4.16 Государство-участник отмечает, что, согласно имеющейся информации по стране происхождения, в последние годы природа конфликта в Чечне претерпела изменения, и теперь конфликт, движимый сепаратизмом, как в 1999–2003 годах и 2005 году, трансформировался в конфликт, движимый скорее радикальным исламом. И как следствие этого изменения чеченские власти не так уж интересуются прежними повстанцами, и уж тем более не теми, кто не был активен в последние несколько лет¹³. Согласно вышеупомянутой информации по стране, чеченские ведомства могут оказывать нажим на членов семьи подозреваемых повстанцев; однако цель такого нажима состоит в том, чтобы вынудить подозреваемого прекратить его или ее повстанческую деятельность. В этом отношении государство-участник разделяет мнение миграционных ведомств о том, что неправдоподобно, будто бы чеченские власти спустя годы оказывают нажим на заявителей, дабы вынудить их убедить своих сыновей/братьев вернуться в Российскую Федерацию.

4.17 Кроме того государство-участник считает необходимым сослаться на наличную информацию о стране происхождения, согласно которой в какой-то момент существенная часть населения в Чечне поддерживала повстанцев, а в настоящее время власти не проявляют интереса к людям, которые делали это лишь sporadически. Кроме того, чеченские власти акцентируются на людях, которые подозреваются в поддержке видных повстанцев или сотрудничестве с ними и предоставляют им существенную поддержку на протяжении более длительного промежутка времени¹⁴. В этом отношении государство-участник отмечает, что сыновья/братья заявителей покинули Российскую Федерацию соответственно в 2002 году и в 2006 году. Заявители не утверждают, что с их отъезда сыновья/братья находятся в контакте с повстанцами или как-то их поддерживают. Не было также показано, что братья/сыновья предоставляли повстанцам сколько-либо более существенную поддержку, нежели sporadическая доставка им продовольствия и медикаментов, или что они поддерживали каких-то видных повстанцев.

4.18 Кроме того, государство-участник разделяет мнение миграционных ведомств о том, что описания заявителями мужчин в масках, которые посещали их квартиру и угрожали им, носят расплывчатый и общий характер. Речь идет лишь о предположении со стороны заявителей, что мужчины в масках имели связь с властями, и в поддержку этой точки зрения не было выдвинуто никаких доказательств. Как отметили в своих решениях и постановлениях шведские миграционные ведомства, заявители оставались у себя дома несмотря на предполагаемые угрозы, а это говорит о том, что они не считали, что необходимость их защиты носила особенно экстренный характер. Третий заявитель все же переехала в дом своего дяди после последнего визита мужчин в масках, но государство-участник

¹³ См. страновой обзор шведской Миграционной комиссии по Российской Федерации от 25 февраля 2011 года, стр. 23–24 (текста оригинала).

¹⁴ Там же.

отмечает, что весной 2010 года заявители не считали угрозу против нее настолько серьезной, чтобы она не смогла завершить свою учебу в муниципальной гимназии, что подтверждается представленным аттестатом о законченном образовании и собственными словами заявителей. Кроме того, поведение третьего заявителя и ее семьи показывает, что, как они считали, переезда третьего заявителя в другой город было бы достаточно, чтобы устранить угрозы против нее.

4.19 Вдобавок государство-участник отмечает, что, согласно имеющейся информации по стране происхождения, людей, которые связаны с подозреваемыми повстанцами, обыкновенно увольняют с их места работы. Первый заявитель утверждает, что он работал в качестве геофизика в компании, находящейся в ведении чеченских властей. По его собственным словам, он сохранял свою занятость до отъезда из страны; он также заявил, что он не сталкивался ни с какими проблемами на работе. И государство-участник разделяет мнение шведских миграционных ведомств о том, что, как указывают эти обстоятельства, заявители не представляют сколько-либо большой интерес для чеченских властей.

4.20 Кроме того, чтобы подтвердить свою личность, заявители представили свои внутренние паспорта. Судя по штампам в паспортах и по собственным словам заявителей, паспорта были выданы компетентными органами в Грозном в 2009 году и в 2010 году. Таким образом, в 2009 году и в 2010 году заявители оказались в состоянии получить эти паспорта у чеченских властей, несмотря на то, что в 2008 году начались предполагаемые угрозы по отношению к ним. В этом отношении государство-участник разделяет мнение шведских миграционных ведомств о том, что это обстоятельство веско противоречит утверждениям заявителей о том, что они ощущали острую угрозу со стороны чеченских властей и что власти им угрожали.

4.21 Кроме того, заявители утверждают, что их вызывают на допрос в Российскую Федерацию и представляют документы в подтверждение своего заявления. Как отмечают шведские миграционные ведомства, повестки носят простой характер и заявленное имя отца второго заявителя отличается от имени, указанного в ее внутреннем паспорте. Заявители не объясняют, кто отослал эти документы в Швецию или как это лицо стало их обладателем. Поэтому государство-участник разделяет оценку шведских миграционных ведомств о том, что этим документам нельзя придавать столько-либо значительную доказательственную ценность.

4.22 Кроме того, после того как решение о высылке заявителей обрело окончательный и бесспорный характер, заявители утверждали, что имеются препятствия к исполнению решения об их высылке с учетом того, что, поскольку они не отреагировали на повестку, они разыскиваются властями. В подкрепление этого утверждения они представили ордера на арест от прокуратуры в Грозном. Заявители утверждают, что ордера на арест, которые были направлены в полицию и службы безопасности, гласят, что заявители подлежат задержанию¹⁵. Заявители не объясняют, как им удалось получить эти документы. Вдобавок государство-участник отмечает, что ордера на арест являются внутренними документами, которые циркулируют только среди ведомств и к которым человек обычно не должен иметь доступа. Следовательно, государство-участник считает, что представлением этих документов заявители не доказали вероятность предполагаемой необходимости их защиты.

4.23 Кроме того акты насилия и нападений, которым, как утверждают заявители, они подвергались, следует рассматривать как преступные деяния со стороны

¹⁵ Что касается среди прочего ордеров на арест, то см. также Норвежский информационный центр по странам происхождения «Temanotat Nord-Kaukasus: Etterlysninger» (25 мая 2013 года).

частных лиц. В этом свете государство-участник также разделяет вывод миграционных ведомств о том, что защита своих людей от преступных актов, совершаемых частными лицами, входит прежде всего в обязанность чеченских властей. Согласно имеющейся информации по стране происхождения, Российская Федерация все-таки обеспечивает защиту от таких преступных актов, каким, по их утверждениям, подвергались заявители¹⁶. В данном же случае не было предъявлено никаких доказательств, которые позволяли бы предположить, что чеченским властям недоставало бы желания или способности защитить семью от таких преступных актов. И поэтому, подвергшись заявители таким актам по возвращении в Чечню, им следует связаться с властями на предмет защиты.

4.24 В свете вышесказанного государство-участник заявляет, что обстоятельств, приводимых заявителями, недостаточно для того, чтобы показать, что предполагаемый риск пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания отвечает требованиям о том, чтобы он носил предсказуемый, реальный и личный характер. Соответственно, приведение в исполнение предписания о высылке в данных обстоятельствах не представляет собой нарушения статьи 3 Конвенции. Поскольку утверждения заявителей не отвечают элементарным критериям обоснованности, сообщение следует признать неприемлемым как явно необоснованное.

4.25 Ввиду сложившейся ситуации в Чечне, как описано в вышеупомянутых страновых обзорах, как отмечает государство-участник, возможно также, что заявителям было бы разумно подумать о переселении в другую часть Российской Федерации, если они чувствуют, что сталкиваются с риском подвергнуться преступным актам. Как явствует из соответствующего российского закона, человек не обязан вернуться в его или ее родной город, чтобы отменить свою предыдущую регистрацию, прежде чем поселиться на новом месте, так что заявители были бы в состоянии обосноваться на новом месте жительства сразу же по возвращении в Российскую Федерацию и зарегистрироваться уже там¹⁷.

4.26 Одним словом, государство-участник утверждает, что настоящее сообщение следует признать неприемлемым как явно необоснованное по статье 22 (2) Конвенции и правилу 113 b) правил процедуры или же, в качестве альтернативы, что настоящее сообщение не вскрывает никакого нарушения Конвенции.

Комментарии заявителей по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа дела

5.1 В ответ на замечания государства-участника 6 февраля 2014 года заявители, во-первых, отметили, что аргументы государства-участника противоречат не только существующим докладам, касающимся ситуации в Российской Федерации, но и докладу о ситуации в Российской Федерации с правами человека, подготовленному собственным ведомством государства участника по иностранным делам. В этом докладе, который имеется в наличии только на шведском языке, ситуация описана более серьезным образом. Согласно докладу, российская администрация характеризуется широко распространенной коррупцией и неэффективностью, правозащитники, журналисты и разоблачители притесняются и подвергаются насилию, иногда со смертельным исходом, а исполнители таких притеснений и насилия, как правило, не преследуются. Далее, авторы доклада отмечают, что наиболее серьезные нарушения против прав человека все еще происходят на Северном Кавказе. Во имя борьбы с терроризмом на гражданское население обрушиваются бесчинства в виде пыток, произвольных арестов и похище-

¹⁶ См., например, страновой обзор шведской Миграционной комиссии по Российской Федерации, стр. 70 (текста оригинала).

¹⁷ Там же.

ний. Имеются также неподтвержденные сообщения о политических убийствах и исчезновениях, санкционированных властями, особенно на Северном Кавказе. В докладе также отмечается, что в 2011 году, как и в предыдущие годы, имел место ряд нападения, угроз и актов притеснения в отношении среди прочего правозащитников, журналистов, юристов и так называемых разоблачителей. В то же время продолжают посягательства спецслужб на гражданское население, главным образом в виде произвольных арестов, похищений и пыток, – как правило, без судебных последствий. Из страха репрессий мало какие жертвы осмеливаются жаловаться. И поэтому трудно получить надежную статистику нарушений прав человека в Чечне. Неправительственная организация «Мемориал» и так называемая «мобильная группа» зарегистрировали в 2011 году 14 исчезновений и описали их как «верхушку айсберга».

5.2 Заявители отмечают, что доклад, на который они ссылаются, насчитывает лишь 24 страницы, а между тем он содержит информацию, характеризующую Российскую Федерацию как страну, в которой бесчинства в отношении арестованных и задержанных и притеснения тех, кто жалуется на такие бесчинства, например юристов, активистов, журналистов, разоблачителей и других, кто выступает против режима, носят рутинный характер, и указывает, что виновные не отдаются под суд и не несут ответственности. Соответственно, заявители удивлены, что ведомства государства-участника в своей оценке истории заявителей предпочли не ссылаться на этот доклад, тем более что он был опубликован собственным ведомством государства-участника по иностранным делам.

5.3 Заявители утверждают, что этот доклад четко демонстрирует постоянную практику грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вдобавок, как отмечалось в первоначальном представлении, заявители подвергались все большему притеснению и унижению, что увенчалось заключительным визитом нападавших в масках, в ходе которого у них в доме был произведен оружейный выстрел.

5.4 Далее, заявители согласны, что, как в принципе верно заявляет государство-участник, Миграционная комиссия и Суд по миграционным делам вполне способны дать оценку информации, представленной заявителем. Но ведь в реальности дело обстоит иначе. В этом отношении заявители отмечают, что, как заявил Суд по миграционным делам, у него нет конкретных знаний стран, и он полагается на заключения Миграционной комиссии. Таким образом, ясно, что Суд по миграционным делам, по его собственному признанию, не в состоянии принимать информированные решения, он полностью полагается на одну сторону в споре и поэтому у заявителей отсутствуют шансы заручиться беспристрастной оценкой. Таким образом, вовсе не неразумно предположить, что оценка миграционными судами фактов и доказательств по данному делу носила ненадлежащий характер в такой степени, что это равносильно отказу в правосудии. Тот факт, что суд обладает особенной квалификацией в сфере права убежища, сам по себе недостаточен, дабы обеспечить, чтобы правосудие отправлялось справедливым образом; в качестве предпосылок тут выступают беспристрастность и конкретные знания вовлеченных стран, чего явно недостает в данном деле.

5.5 Заявители принимают к сведению довод государства-участника относительно якобы изменения природы конфликта в Чечне. В этой связи они утверждают, что этот довод носит фальшивый и, во всяком случае, беспредметный характер. В этой связи заявители ссылаются на бывшего комиссара Совета Европы по правам человека, который описал ситуацию в Чечне как атмосферу террора. Вдобавок Парламентская ассамблея Совета Европы описывает ситуацию в Чечне как «климат пронизывающего страха» и отметила исчезновения оппонентов правительства и правозащитников, репрессии против семей подозреваемых боевиков и

запугивание средств массовой информации и гражданского общества, – и все это в атмосфере «персонализации власти»¹⁸.

5.6 Кроме того, что касается их заявления относительно действий мужчин в форме и масках, то заявители утверждают, что подтвердить такие рассказы может практически каждый чеченец, ищущий убежища. Невозможность установить личность этих нападавших никоим образом не умаляет убедительность истории заявителей. Заявители не поднимали проблему их притеснения в соответствующих ведомствах Российской Федерации из опасений, что такой курс действий был бы лишен смысла, ибо как раз «власти-то и воспринимаются в качестве крупной угрозы жизни и здоровью». Общая неподотчетность и способность ведомств действовать с полной безнаказанностью являются двумя гранями жизни в Российской Федерации, которые много раз комментировались многими индивидами и организациями.

5.7 Что касается предоставленных копий повесток, то, как отмечают заявители, «уже давно [было] установлено, как выглядят такие повестки». Неясно, почему государство-участник продолжает оспаривать подлинность повесток на том основании, что в двух документах отличается написание имени отца одного из заявителей. Заявители отмечают, что на русском языке все существительные, и в том числе имена, склоняются в шести разных падежах. Например, мужское существительное/имя, заканчивающееся на согласный, получает суффикс «а» в винительном падеже, а женское существительное/имя с окончанием на «а» изменяет окончание на русское «у» и произносится как английское «oo».

5.8 Наконец, заявители отмечают, что в документе, прилагаемом к их первоначальному представлению, региональное отделение Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев в Стокгольме заявило, что чеченскому просителю убежища нет резона искать убежище еще где-то в Российской Федерации. В этом отношении они отмечают, что государство-участник игнорирует эту информацию в своих замечаниях по данному делу.

5.9 В заключение заявители утверждают, что настоящее сообщение и их утверждения являются приемлемыми, обоснованными и показывают, что их депортация в Российскую Федерацию представляла бы собой нарушение Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, изложенную в сообщении, Комитет должен принять решение о ее приемлемости в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованием пункта 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет напоминает, что, в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции, он не рассматривает никакое сообщение отдельного лица, если только не убедится, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Он отмечает, что, как признает в данном случае государство-участник, заявители исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты. Комитет не находит никаких других препятствий для признания приемлемости; соответственно, он признает сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

¹⁸ «PACE urges Russia to fight terrorism in the North Caucasus "in line with human rights"», имеется на http://assembly.coe.int/ASP/NewsManager/EMB_NewsManager_View.asp?ID=5701.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии со статьей 22 (4) Конвенции, Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему соответствующими сторонами.

7.2 В данном случае перед Комитетом встает вопрос: будет ли возвращение заявителей в Российскую Федерацию представлять собой нарушение обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») лицо в другое государство, где существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать применение пыток.

7.3 Комитет должен оценить, имеются ли существенные основания полагать, что по возвращении заявителей в их страну происхождения им лично будет угрожать опасность подвергнуться пыткам. При оценке такого риска Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению. А отсюда следует, что наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием, чтобы сделать вывод о том, что по возвращении в эту страну конкретному лицу будет угрожать применение пыток; тут должны иметься дополнительные основания, свидетельствующие о том, что опасность будет грозить лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что лицо не может быть подвергнуто пыткам в его или ее конкретных обстоятельствах¹⁹.

7.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 1, согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий «высокой вероятности»²⁰, Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно изложить, что ему угрожает «предсказуемая, реальная и личная» опасность²¹. Хотя по положениям этого замечания общего порядка Комитет правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств каждого конкретного дела, он напоминает, что он не является судебным или апелляционным органом и что он должен в значительной степени опираться на фактологические заключения, сделанные органами соответствующего государства-участника²².

7.5 Заявители утверждают, что в Российской Федерации они могут быть подвергнуты пыткам, поскольку имеются существенные основания полагать, что притеснения и агрессия, которые они испытывали в Чечне ранее, будут еще больше нарастать.

7.6 В этой связи Комитет отмечает, что, даже прими он утверждение о том, что заявители подвергались жестокому обращению и/или притеснениям в прошлом, вопрос состоит в том, по-прежнему ли они подвергаются риску пыток в настоя-

¹⁹ См. среди прочего сообщение № 519/2012, *Т.М. против Республики Корея*, решение, принятое 21 ноября 2014 года, пункт 9.3.

²⁰ Замечание общего порядка № 1, пункт 6.

²¹ Там же, пункт 5, и *А.Р. против Нидерландов*, пункт 7.3.

²² См. среди прочего сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, решение, принятое 6 мая 2010 года, пункт 7.3.

щее время, если вернуться в Российскую Федерацию. Комитет отмечает что в настоящее время ситуация в Российской Федерации с правами человека, в особенности на Северном Кавказе, остается предметом озабоченности в нескольких аспектах. Он напоминает, что в своих заключительных замечаниях в контексте рассмотрения пятого периодического доклада Российской Федерации в 2012 году он выразил свои озабоченности, ссылаясь на многочисленные, непрекращающиеся и согласующиеся между собой сообщения о серьезных поправках прав человека на Северном Кавказе, в частности в Чечне, совершаемых государственными должностными или иными лицами, выступающими в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия, включая пытки и жестокое обращение, похищения, насильственные исчезновения и внесудебные казни (см. CAT/C/RUS/CO/5, пункт 13). Однако Комитет повторяет, что случаев нарушений прав человека в его или ее стране происхождения самого по себе недостаточно для того, чтобы он сделал заключение, что опасность пыток угрожает лично заявителю²³.

7.7 Комитет далее отмечает, что государство-участник привлекает внимание к несоответствиям и противоречиям в свидетельствах и представлениях заявителей, которые вызывают сомнения в отношении общей убедительности заявителей и правдивости их утверждений. В частности, заявители никогда не сочувствовали движению сопротивления в Чечне и не принимали участия в его деятельности. В этом отношении Комитет принимает к сведению представление государства-участника о том, что убежище в Швеции было предоставлено сыновьям/братьям заявителей соответственно в 2002 году и в 2006 году не на основании их индивидуальной потребности в защите, а потому, что во время их ходатайства в Чечне имел место внутренний вооруженный конфликт. Заявители не утверждают, что, прежде чем покинуть Чечню, их сыновья/братья активно участвовали в повстанческом движении, разве что эпизодически предоставляли повстанцам продовольствие и медикаменты. Соответственно, есть основания поставить под вопрос предполагаемый интерес чеченских ведомств к оставшимся членам семьи и их продолжающееся притеснение спустя так много лет. Вдобавок, согласно имеющейся информации по стране происхождения, в какой-то момент повстанцев в Чечне поддерживала существенная часть населения; однако в настоящее время власти не интересуют люди, которые делали это лишь спорадически. Кроме того, чеченские власти акцентируются на людях, которые подозреваются в поддержке видных повстанцев или сотрудничестве с ними и предоставляют им существенную поддержку на протяжении более длительного промежутка времени²⁴. В этом отношении Комитет отмечает, что сыновья/братья заявителей покинули Российскую Федерацию в 2002 году и в 2006 году и что заявители не утверждают, что со своего отъезда сыновья/братья находятся в контакте с повстанцами или поддерживают их каким бы то ни было образом.

7.8 Кроме того, Комитет также принимает к сведению представление государства-участника о том, что описания заявителями мужчин в масках, которые посещали их квартиру и угрожали им, носят расплывчатый и общий характер и что речь идет лишь о предположении со стороны заявителей, будто мужчины в масках имели связь с властями. В этой связи Комитет отмечает, что не было предъявлено никаких доказательств, чтобы подкрепить утверждение заявителей о том, что они подверглись глумлению и угрозам со стороны чеченских властей. Кроме того, Комитет отмечает, что заявители не предоставили никакой медицинской документации, удостоверяющей, что в ноябре 2010 года первый заявитель был подвергнут жестокому обращению. Кроме того, как отметили шведские миграцион-

²³ См., например, *Т.М. против Республики Корея*, пункт 9.7.

²⁴ См. страновой обзор шведской Миграционной комиссии по Российской Федерации, стр. 23–24 (текста оригинала).

ные ведомства в ходе отечественного разбирательства, заявители, несмотря на предполагаемые угрозы, оставались у себя дома. Третий заявитель все-таки переехала в дом своего дяди после последнего визита мужчин в масках, но заявители не считали угрозу настолько серьезной, чтобы она не смогла завершить свою учебу в местной средней школе. Вдобавок, как показывает поведение третьего заявителя и ее семьи, они сочли, что переезда третьего заявителя в Грозный было достаточно, чтобы устранить угрозы против нее. Кроме того, чтобы подтвердить свою личность, заявители представили шведским ведомствам свои внутренние паспорта. Судя по штампам в паспортах и по собственным словам заявителей, паспорта были выданы компетентными органами в Грозном в 2009 году и в 2010 году. В этой связи Комитет отмечает, что заявители оказались в состоянии получить эти паспорта у чеченских властей в 2009 году и в 2010 году, несмотря на то, что предполагаемые угрозы против них начались в 2008 году.

7.9 Наконец, Комитет принимает к сведению представление государства-участника о том, что, как утверждали заявители, они были вызваны на допрос в Российскую Федерацию и на их имена было выдано два ордера на арест; однако заявители так и не объяснили, кто отослал эти документы в Швецию или как это лицо стало их обладателем. В этой связи Комитет отмечает, что вдобавок Комитету не было предоставлено никаких объяснений насчет источника этих документов.

7.10 Как отмечает Комитет, заявители просто заявили Миграционной комиссии и Суду по миграционным делам, что они опасаются подвергнуться дальнейшему жестокому обращению, если вернуться в Российскую Федерацию, утверждая, что они подвергались притеснениям в прошлом и станут их мишенью опять. Он отмечает, однако, что ведомства государства-участника тщательно оценили утверждения и показания заявителей и нашли, что им в целом недостает убедительности.

7.11 Комитет ссылается на свою юриспруденцию, согласно которой при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений, и указывает, что бремя аргументированного изложения дела обычно лежит на заявителе²⁵. С учетом вышеизложенных соображений и на основе всей информации, представленной заявителями и государством-участником, том числе относительно общей ситуации в Российской Федерации с правами человека, Комитет считает, что заявители не предоставили достаточных доказательств, чтобы позволить ему заключить, что их депортация в их страну происхождения подвергала бы их предсказуемой, реальной и личной опасности пыток по смыслу статьи 3 Конвенции.

8. Соответственно, Комитет, действуя в соответствии со статьей 22 (7) Конвенции, приходит к выводу, что возвращение заявителей в Российскую Федерацию не будет нарушением статьи 3 Конвенции государством-участником.

²⁵ См. сообщения № 298/2006, *К.А.Р.М. и др. против Канады*, решение, принятое 18 мая 2007 года, пункт 8.10; № 256/2004, *М.З. против Швеции*, решение, принятое 12 мая 2006 года, пункт 9.3; № 214/2002, *М.А.К. против Германии*, решение, принятое 12 мая 2004 года, пункт 13.5; *С.Л. против Швеции*, пункт 6.3; и № 347/2008, *Н.Б.-М. против Швейцарии*, решение, принятое 14 ноября 2011 года, пункт 9.9.